

Словарь русских художников

Том 2. Выпуск 1

УДК 304
ББК 60.5
С48

С48 Словарь русских художников: Том 2. Выпуск 1 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 272 с.

ISBN 978-5-458-01886-9

Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч.

Том 2. Выпуск 1. И.

С древнейших времен до наших дней.

ISBN 978-5-458-01886-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Иваницкая, Екатерина Евгениевна, художница-любительница изъ Одессы. Участвовала въ III-й період. выставкѣ южно-русс. художниковъ своимъ пейзажнымъ этюдомъ.

См. „Катал. этой вист.“, Од. 1892, № 35.

Иваницій, Александръ Ивановичъ, архитекторъ. Род. 1818 г.; воспитывался на счетъ Вологодской губ. въ Стронт. Учил. съ 3 февр. 1835 по 6 февр. 1838, когда былъ выпущенъ съ чиномъ 14 кл. и сдѣлался смотрителемъ дорогъ въ Вологодской губ., а затѣмъ губ. архитекторомъ тамъ же. Съ 1859—60 г. онъ состоялъ уже въ 7 классѣ.

По рукоп. матер. *И. Н. Петрова*.

Иванова, Вѣра Викторовна, художница-любительница. Дочь ген.-лейт., она выставила въ Имп. Акад. Худож. въ 1873 г. портреты: А. А. Б. (Бекманъ), г-жи Ивановой (матери художницы), барон. А. И. Каульбарсъ и маркиза А. И. де Траверсе, а также два этюда женскихъ головъ съ натуры.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 107/1873 и „Указат. вист.“ 1873 г., №№ 69—72 и 77—78; въ изд. же *Θ. Булакова* „Наши Художники“ (I, 156) указанъ невѣрно 1872 г.

Иванова, Ксеція Васильевна, художница-любительница. Ученица Моск. Училища живописи и ваянія, она выставляла свои портреты на выставкахъ: VII-й ученической 1864 г.—ненавѣстной личности; академическихъ 1867 г.—истор. Е. А. Бѣлова, живоп. Г. Г. Масовдова, публициста О. К. Нотовича (за что получила званіе—поч. волн. общника), и 1868 г.—писат. П. И. Вейнберга, г-жъ N и *.*; наконецъ, XI-й періодической въ Моск. Обществѣ Любит. Худож. 1891 г.—картину „Балковъ“. Кроме того, на VI-й аквар. выставкѣ 1886 г. въ Общ. Поощр. Худож. въ Спб. была акварель г-жи Ивановой „Дорожка въ лѣсу“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 169/1887.—„Катал. вист.“: VI-й ученич., № 7; XI-й періодич., № 109, и „Указат. вист.“: въ И. А. Х. 1867 г., №№ 104—6, и 1868 г., №№ 137—9; VI-й аквар., № 74.

Иванова (по мужу Раевская), Марья Дмитриевна, живописица. Дочь псаломщика, она род. въ Гавриловѣ, Изюмскаго у., Харьковской губ., училась же въ Спб. Рисов. Школѣ

для вольноприход. (въ 1855—57 гг.) и у проф. А. Эргардта въ Дрезденѣ. Познакомившись съ выдающимися рисов. школами и вернувшись въ отечество, она выставила въ Акад. Худож.: въ 1867 г.—портретъ г-жи N. и картинку „Деревдѣвушка въ Саксоніи“ и въ 1868 г.—другую картину „Смерть крестьянина въ Малороссіи“, доставившую ей званіе некл. художника (въ септ.), а съ 1869 г. поселилась въ Харьковѣ и положила тамъ основаніе частной школѣ рисованія и живописи. За послѣднее, равно какъ за „успѣшное веденіе преподаванія, въ раціональный методъ и успѣхи учениковъ“ (которыхъ было въ то время отъ 15 до 20 чел.), „Компссія, назначенная Е. И. В. Товарищемъ Президента Имп. Акад. Худож. для разсмотрѣнія ученич. рисунковъ, присланныхъ изъ гимназій и друг. училищъ вѣдомства Мин. Нар. Просв.“ и пмѣвшая нѣск. засѣданій съ 9 нояб. 1871 по 12 янв. 1872 подъ предѣдательствомъ рект. *Θ. И. Гордана*, положила войти съ особ. представленіемъ въ Совѣтъ И. А. Х. о присужденіи ей званія поч. волнлаго общника (что и было исполнено 4 нояб. 1872), а также ходатайствовать передъ Е. И. В. Товарищемъ Президента о представленіи ея въ Высочайшей наградѣ; изъ учениковъ же ея—тремъ: Данглевскому, Кондратенко и Шаховскому присудила серебр. медали и похвалы.отзывы, а шести лицамъ—одни похв. отзывы. Примѣненная у И—ой метода преподаванія рисованія была изложена ею въ особой запискѣ, напеч. при „Протоколѣ засѣданій Комиссіи“ (прилож. № 2) въ концѣ „Отчета И. А. Х.“ за 1870—71 г.; тамъ же помѣщались, въ слѣд. годахъ, и дальнѣйшія свѣдѣнія о состояніи Харьк. школы, откуда видно, что число учащихся быстро увеличивалось, но съ 1867 г. прекратилось самое печатаніе Академич. отчетовъ. Преподавая рисованіе, кроме своей школы, и въ мѣстной 2-й женской гимназій, М. Д. надала въ 1879 г. собственную „Азбуку рисованія для семьи и школы“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1/И. — *Н. П. Собко* „Историч. Очеркъ Спб. Рисов. Школы за 1839—89 гг.“ алфав. — „Указат. вист. въ И. А. Х.“: 1867 г., живопись, №№ 60—61, и 1868 г., № 222.—„Отчетъ И. А. Х.“ за 1870

—71 г., Протоц. засѣд. Ком., стр. 88, и слѣд. годовъ.—Въ изд. *Ф. Буланова* „Наша Художники“ (II, 114) помѣщ. портретъ художника среди миниат. снимковъ съ ея произвед.

Иванова (по 1-му мужу **Снородумова**), Марья Ивановна, граверша конца XVIII и начала XIX ст., см. подъ Снородумовой.

Ивановскіе, А. и К., граверъ и рисовальщикъ. Работы ихъ помѣщ., между прочимъ, въ „Живоц. Обзор.“ 1876 г. (стр. 721 и 665).

Ивановскій, Викторъ Людвиговичъ, архитекторъ. Род. въ 1855 г. Воспитанникъ училищъ: Ревельскаго реальнаго—до 1876 и СПб. Строительнаго (что нынѣ Инстит. Гражд. Инжен.)—до 1883 г., онъ вышелъ изъ послѣдняго съ званіемъ гражд. инжен. и съ чиномъ X кл. и, причислившись къ Технич. Строит. Комитету Мин. Внутр. Дѣлъ, занялся у акад. В. И. Шестова, а съ 1885 г. сдѣлался младш. архитекторомъ Строит. отд. въ Симбирскѣ, причѣмъ съ того времени до 1892 г. имъ произведены постройки: по готовымъ проектамъ—3-хъ кам. церквей въ с. с. Кержеманыхъ, Ивашковѣ и Барышеная слобода, равно какъ достройка кам. собора въ Корсунѣ, по своимъ же собственнымъ—пристройкѣ къ церквамъ въ с. Барышеная слобода и въ г. Алатырѣ, постройки кам. колоколенъ въ с. Яровлинскѣ и въ г. Симбирскѣ при церкви „Всѣхъ святыхъ“, а также кам. корпуса фабрики Степанова, я, наконецъ, перестройки дома фабрик. Степанова и Алѣева и кам. зданій сук. фабрики Бѣлоусова и отдѣленія Госуд. банка.

См. составл. *Г. В. Барановскимъ* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92 г.“, стр. 130.

Ивановскій, Никодимъ Ксаверьевичъ, художникъ-любитель. Родомъ дворянинъ, живя въ г. Шавли, Ковенской губ., онъ выставилъ въ Имп. Акад. Худож. въ 1873 г. картину „Затруднит. вопросъ“, съ подп.: N. E. Iwanowski 1872, а въ 1875 г. прислалъ еще двѣ: „Возвратъ“ и „Среди русалокъ“, которыя затѣмъ, по просьбѣ автора, были пересланы въ Варшавское Общество Поощр. Художествъ.

См. „Указат. означ. выст.“, № 63, и въ Архивѣ И. А. Х., дѣло 132/1875.

Ивановъ, Абросимъ (Обросимовъ), кормовой мастеръ Моск. Серебр. Палаты XVII в. Ему, вмѣстѣ съ Кир. Кузьминимъ и Петр. Федоровымъ, отпущено было 12 сент. 1625 г. 47-мъ венгерскимъ золотыхъ наповолоту 15-ти звеньевъ отъ „тремашихъ“ серебр. цѣпей, принесенныхъ въ Ковюш. приваза.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ

стар. Дворц. приваз.“, М. 1883, II, 572.—У *И. Забѣлина* онъ пропущ.

Ивановъ, Авраамій, живописецъ XVII в. въ Псковѣ. Имъ переписана была, по порученію псковичей, на погорѣвшей доскѣ, по прежнему, мѣстная чудотв. икона св. великомуч. Дмитрія Селунскаго съ дѣвнiями—изъ Гдовской соборной церкви, гдѣ она вся обгорѣла въ уголь во время случившагося тамъ пожара при одномъ изъ нашествій нѣмцевъ п вступленіи ихъ короля въ городъ (въ 1636).

См. „Полк. собр. русс. лѣтоп.“, V, 73.—У *Д. Ровинскаго* онъ только упом. безъ обознач. года.

Ивановъ, Автопомъ, Московск. иконописецъ XVII в. Онъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановымъ, былъ въ 1668 у „Савинскаго письма“, а въ 1679, вмѣстѣ съ друг. царскими живописцами: Ян. Ивановымъ, Карп. Золотаревымъ, Ив. Миревскимъ и Вас. Познанскимъ, писалъ на лазури, широкою и бойкою влестью въ греч. стилѣ, лики святыхъ въ иконостасъ вновь постр. соборной церкви Покрова Богородицы въ подмоск. селѣ Измайловѣ, гдѣ они сохранились до послѣдняго времени.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. иконостасовъ“, СПб. 1856, с. 147 (упом.), и „Русс. Старину“, *А. Мартынова* и *И. Снегирева*, изд. 2-е, годъ 4-й, с. 111—3.

Ивановъ, Аггѣй, волот. дѣль мастеръ начала XVIII в. въ Москвѣ. Состоя при Оруж. Палатѣ, онъ находился въ 1701—5 гг. на окладѣ въ 61 р.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, М. 1883, II, 466, 476, 482.—У *И. Забѣлина* онъ лишь упом. съ 1701 г.

Ивановъ, Александръ, рѣшитель Канцеляріи Строевій. Про него извѣстно только, что „по имѣющейся въ немъ способности и склонности къ продолженію дальнихъ знаній къ художеству“, кураторъ Моск. унив. И. И. Шуваловъ просилъ Канцелярію отъ Строевій въ мартѣ 1761 уволить его для нахождения при Акад. Худож. въ числѣ прочихъ учениковъ академическихъ, но Канцелярія отвѣтила 31-го числа, что, „по имѣющейся въ немъ особой влѣбности, потому что находится при самонужнѣйшихъ какъ по Зимнему каменному Ея И. В. дому (который, въ силу именнаго Ея И. В. Высочайшаго указа, повелѣно нынѣшняго года совѣмъ привезти въ окончаніе), такъ и въ компаніяхъ Ея И. В. и Ихъ И. В. работахъ“, она, безъ доклада гр. В. В. Фермора, какъ главнаго оной командира, сама собою уволить не можетъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 8/1761.

Ивановъ, Александръ Алексѣевичъ, иптеищикъ и чеканщикъ. Принятый въ Имп. Акад.

Худож. въ 1779, онъ, по исполненіи заданной 31 дек. 1793 г. программы—вылѣтъ изъ мѣдп и вычеканить бюстъ Эйлера, выпущенъ былъ 20 іюня 1794 подмастерьемъ (съ аттестатомъ 4-й степ. безъ шлага).

См. „Сборникъ матер. для истор. И. А. К.“...
И. Н. Петрова, I, 168 (№ 41), 316, 335.

1. Портретъ А. А. Иванова
(съ рис. С. А. Иванова 1846 г.,
гравиров. И. Н. Крамскимъ въ 1879 г.).

Ивановъ, Александръ Андреевичъ, живописецъ. Род. 16 іюля 1806, ум. 3 іюля 1858 въ Петербургѣ, отъ холеры. Онъ представляется намъ однимъ изъ величайшихъ русс. людей, не только художниковъ, но и вообще—по рѣдкому соединенію въ одной личности столькихъ, самыхъ разнородныхъ качествъ, какъ природныхъ, такъ и приобретенныхъ съ теченіемъ времени, а именно: необыкновенно свѣтлаго ума въ связи съ выдающимся худож. дарованіемъ, замѣчательнаго самообразованія въ связи съ сильнымъ критическимъ анализомъ, полной независимости характера въ связи съ крайней правдивостью, непоколебимой настойчивости въ связи съ необычайной мягкостью, и проч. Быть можетъ, многое изъ всего этого перешло къ нему отъ отца, т. е. отецъ его былъ изъ незаконнорожденныхъ, а извѣстно, что зачастую самые выдающіяся лица выходятъ именно изъ таковыхъ, но не малымъ онъ былъ обязанъ и исключительно самому себѣ. Не маловажное значеніе играю тутъ, конечно, и то обстоятельство, что онъ, воспитываясь собственно дома, испыталъ на себѣ меньше многихъ другихъ весь вредъ и пагубное вліяніе школы,

годной болѣе для вурядныхъ людей, чѣмъ для выходящихъ изъ ряда вонъ: рутинная Академія Художествъ не только не коснулась общаго развитія и направленія его способностей, но порядкомъ не научила его даже тѣмъ элементарнымъ правиламъ, которыми собственно и должна бы только учить, т. е. все остальное можетъ придти само собою, равъ у человѣка есть дарованіе. Ивановъ, въ качествѣ истинно передовой личности, больше всякаго другого, вполне чувствовалъ и сознавалъ это, почему весь свой вѣкъ и возставалъ до такой степени вездѣ, гдѣ только можно было, противъ глубоко укоренившихся повсюду академическихъ традицій. Въ этомъ отношеніи онъ опередилъ и Крамского, и Перова.

Онъ явился на свѣтъ въ то время, когда въ худож. мірѣ существовала еще нѣвѣстная патриархальность, чуждая стремленія въ храмъ искусства изъ-за палки-либо постороннихъ побужденій, и когда вѣрѣдно можно было встрѣтить преемственность отъ отца къ сыну, какая поодѣе сохранилась лишь въ нѣкоторыхъ художеств. семьяхъ въ Москвѣ. Геницъ въ художествѣ, какъ и во всемъ другомъ, очень рѣдкъ, и потому всегда можно ждать больше проку отъ лица, унаслѣдовавшихъ нѣвѣстныя способности родителей, чѣмъ отъ случайныхъ элементовъ чаще всего влеконыхъ въ Академію, какъ и въ другія высшія учебныя заведенія, по неимѣющимъ ничего общаго съ искусствомъ или наукой соображенія. Домашняя же среда всегда имѣла, имѣетъ и должна имѣть гораздо больше значенія въ смыслѣ истиннаго направленія человѣка на ту или другую отрасль дѣятельности, чѣмъ всякія иныя причины. Отрицательные результаты получаются въ данномъ случаѣ только тогда, когда дѣйствовало насиліе противъ настоящаго призванія. Но относительно Иванова этого нельзя сказать: напротивъ, судя по той осторожности, съ какою его отецъ, какъ это видно изъ ихъ взаимной переписки, относился впоследствии къ избранію рода дѣятельности для меньшаго сына Сергѣя, ставшаго потомъ архитекторомъ, можно скорѣе думать, что и на старшаго сына не было прямого вліянія въ этомъ смыслѣ, кромѣ развѣ родительскаго примѣра. Мать Иванова, рожд. Ди. мертвъ или Демертъ, тоже принадлежала къ худож. семьѣ—три брата ея учились въ Академіи: одинъ, Александръ, пейзажной живописи (съ 1800) и двое, Андрей и Егоръ, архитектурѣ (до 1809); въ академ. квартирѣ Ивановыхъ, какъ мы узнаемъ изъ вышеупом. пере-

писки, часто собирались разныя, прикосновенныя въ художествамъ, лица. Все это, вѣдѣтъ взятое, не могло недѣйствовать благотворно на юнаго Иванова и потому немудрено, что онъ охотно началъ учиться рисованью, едва только могъ держать въ рукахъ карандашъ; на 12-мъ же году, по просьбѣ отца, ему дозволено было Академ. Совѣтомъ (9 окт. 1817) „пользоваться ученіемъ, преподаваемымъ какъ въ учебныхъ, такъ и въ художеств. классахъ Академіи.“

1817—30.

Такимъ образомъ, миновавъ воспитат. училище, И—въ поступилъ собственно въ таеъ навыв. Академію и потому могъ оставаться въ ней менѣе назначенныхъ нов. правилами 12-ти лѣтъ; при этомъ, посѣщая Академ. классы, онъ продолжалъ жить по прежнему у отца, а не вмѣстѣ съ казенными и своекоштными воспитанниками, и въ отличіе отъ нихъ считался „постороннимъ ученикомъ“. Это не помѣшало ему на третнемъ экзаменѣ въ декабрѣ 1822 получить 1-ю серебр. медаль за рис. съ натуры; но затѣмъ, хотя онъ каждый экзамень подавалъ эскизы, въ началѣ же 1824 исполнилъ программу: 1. „Блудный сынъ“, одобренную на экзаменѣ, онъ не получилъ ни за то, ни за другое никакой награды, т. е. находился въ „3-мъ возрастѣ“ и писалъ послѣднюю—дома, а проф. Егоровъ,—читаемъ мы въ письмѣ самого И-ва къ дядѣ А. И. Демерту отъ того года,—высказалъ мнѣніе объ его работѣ, что онъ выполнилъ ее „не самъ“. Тогда же И—въ выставилъ еще своего: 2. „Моисей, выдающаго во второй разъ законъ“, а къ апрѣлю того же года оковчиль: 3. „Юаина Крестителя (въ ростѣ), проповѣдующаго въ пустынѣ“—для полученія награды, на которую рассчитывалъ при подачѣ назв. выше композиціи. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ надѣяться на полученіе золотыхъ медалей и, слѣдоват., на заграничное пенсіонерство: Акад. Худож., на основаніи устава своего, награждала золот. медалями только собственныхъ воспитанниковъ, по окончаніи ими полнаго курса ученія; воспитанники же, выпедшіе прежде времени изъ Академіи, не имѣли права на полученіе золот. медалей; молодые художники, вовсе не принадлежавшіе въ Академію, также не могли получать за свои произведенія золот. медалей. Но, на его счастье, Комитетъ образовавшагося въ 1820 г. Общества Поощренія Художниковъ положилъ, какъ мы знаемъ изъ его отчета за 1824 г., „жертвовать въ Акад. Худож., при каждомъ выпускѣ

изъ оной воспитанниковъ (черезъ 3 года), по три золотыя медали: одну большого и двѣ меньшаго достоинства,—съ тѣмъ, чтобы медали сіи были опредѣляемы и выдаваемы не принадлежащимъ къ Академіи молод. художникамъ за отличнѣйшія изъ числа произведеній, кои представляютъ они на судъ ея“. А Академія, принявъ съ удовольствіемъ сдѣланное въ томъ году пожертвованіе, наградила, по большинству балловъ, съ согласія присутствовавшихъ въ публичномъ собраніи ея 16 септ. членовъ Общества, золотою медалью 2-го достоинства, въ числѣ постор. художниковъ, и А. Иванова—за 4. картину, пвображ. „Пріама, спрашивающаго у Ахиллеса тѣло Гектора“ и бывшую на Акад. выставкѣ того года (находившій у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ), наравнѣ со своими учениками: Ал. Марковымъ, Ал. Никитинымъ, Ал. Потбевомъ, К. Осовлинымъ, и св. Ив. Кобелевымъ, исполнявшими ту же программу.

Одни изъ тогдашнихъ критиковъ (какъ *Борисъ Федоровъ* въ „Отеч. Зап.“ 1824, XX, 316—7) считали картину И—ва „болѣе согласной съ повѣствованіемъ Иліады“, указывая на брошенный жезлъ Меркурія, на короткіе волосы Ахиллеса, на покрытый барсовой кожей стулъ, на урну съ прахомъ Патрокла; другіе (какъ *В. И. Григоровичъ* въ своемъ „Журналѣ Иащныхъ Искусствъ“ 1825, № 1, с. 61—62) видѣли, на оборотъ, въ вадудеѣ противорѣчіе словамъ Гомера, а золотую урну и бюстъ Зевеса на орлѣ, поставленные на гранитномъ полпроб. пьедесталѣ, признавали „отыивающимся временемъ гораздо повднѣйшимъ“. Первые находили положеніе героя—разительнымъ, отдѣлку утварей и украшеній шатра—изящною, краски—роскошными, яркими, и только полосатую мантию Пріама—пестрою, а слезы обонхъ—слишкомъ искусственными, „что, по ихъ мнѣнію, охлаждало дѣйствіе картины на душу зрителя, который въ живописи желаетъ видѣть не краски, а природу“. Вторые, напротивъ, признавая сочиненіе обдуманномъ, исполненіе—тщательнымъ, все писаннымъ съ натуры, а выраженіе въ положеніяхъ и головахъ—близкимъ къ истинѣ и костюмъ довольно вѣрнымъ, паходили, однако, картину вообще вѣскольпо пестрою, но тутъ же прибавляли, что „замѣчанія, сдѣланныя на картину Иванова, почтала не излишними потому именно, что видѣли въ немъ художника, могущаго выискать въ предметъ свой и общающаго много въ будущемъ“.

Два года спустя (осенью 1826), И—въ, видимо по совету отца, скомпоновалъ, между прочимъ, еще: 5. аллегорическій рисунокъ „Благоденствіе Россіи“ подъ скипертомъ имп. Николая I, который и былъ представленъ на Высочайшее возвращеніе президентомъ Акад. Олевиннымъ 12 окт., чрезъ министра нар. просвѣщ. Шишкова, но, вмѣсто ожидавшагося поощренія, послѣдовало Высочайшее замѣчаніе, что „въ исторіи нашей есть довольно предметовъ для живописца и полезнѣе бы было молодому Иванову занимать имп“. Эта неудавшаяся попытка въ аллегорич. родѣ была первая и послѣдняя у нашего художника, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще-то не имѣлъ расположенія къ аллегоріи. Но отецъ его все-таки совѣтовалъ ему, когда тотъ былъ уже за границей, написать картину на поманутый сюжетъ, съ одобренія президента Олевина (письмо отъ 25 нояб. 1831).

Еще черезъ годъ, по данной отъ Комитета покровительствованнаго ему Общества программѣ, И—въ исполнилъ: 6. картину „Иосифъ, толкующій сны заключеннымъ съ нимъ въ темницѣ виночерпю и хлѣбодарю“ (наход. въ 1864 г. у г. Костылева въ СПб.) и 7. картонъ: „Группа Лаокоона съ дѣтьми“, выставл. въ томъ же 1827 г. въ Академіи. Представляя эти произведенія, равно какъ и его же трудонъ 8. картонъ, набранный „Венеру Медицинскую“, на усмотрѣніе членовъ Общества, Комитетъ послѣдняго, въ своемъ отчетѣ за тотъ годъ (стр. 17—18) замѣчала, „что Ивановъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ молодыхъ художниковъ съ дарованіями, по лѣтамъ его весьма много обѣщающими, и что, въ рисунокѣ, выраженіи и эффектѣ, онъ доказываетъ способности, большую на него надежду подующія“. По представленіи же первыхъ двухъ работъ на судъ Академіи, вмѣстѣ съ пронаведеніями друг. постороннихъ художниковъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Общества, при ручательствѣ, что всѣ они „трудились безъ малѣйшаго чьего либо пособія“, въ публичномъ собраніи 21 сент. И—въ награжденъ былъ, по рѣшенію Акад. Совѣта и съ согласія присутствовавшихъ членовъ Общества, золот. медалью 1-й степ., а Комитетъ положилъ (см. стр. 20—22 его „Отчета“): „для вышшаго усовершенствованія въ художествѣ, отправить его на счетъ Общества въ Италію, къ чему, съ прекращеніемъ срока пребыванія въ чужихъ краяхъ Ал. Брюллова, представлялась совершенная возможность“, но при этомъ онъ былъ того мнѣнія, „что тѣмъ болѣе будетъ

пользы для молодого художника, чѣмъ съ большимъ запасомъ опытности и познаній онъ прибудетъ въ Италію, гдѣ обыкновенно приѣжающіе художники учатся безъ посторонняго надзора, набирая по собств. прозволу образцы для руководства и подражанія“. (Это показыв., что посылка И—ва за границу была окончат. рѣшена гораздо ранѣе 1829 г., къ которому относили это рѣшеніе нѣкоторые изъ прежнихъ біографовъ). „Кромѣ картонъ Венеры Медицинской, который приказано было нарисовать Иванову,—сообщалось въ томъ же отчетѣ Комитета,—дабы познакомиться съ совершенствомъ женской фигуры, соединяющей въ себѣ всѣ красоты и прелесть прекраснаго пола, было предложено ему сдѣлать подобный же 9. картонъ со статуи, долго спавшей имя Гладіатора Боргезскаго, но новѣйшими антикваріями: Гейномъ, Висконтиемъ и Ламберти приказанной за Воина, сражающаго копьемъ, (т. в.) статуя сія есть единств. образецъ ученаго познанія мускулатуры человѣка, находящагося въ сильномъ движеніи. Всѣ сіи приуготовительныя, такъ сказать, труды Иванова служатъ къ приобрѣтенію большей твердости и чистоты въ рисунокѣ, который есть первое условіе всякаго художественнаго творенія и главнѣйшая, основная часть искусства“. „Мы желаемъ,—говорилось тамъ же въ заключеніе,—чтобы Ивановъ, будучи посланъ въ чужіе края послѣ К. Брюллова, не уступилъ ему и—рѣшительно предугадываемъ, что если онъ пойдетъ начатымъ путемъ далѣе, то будетъ истиннымъ художникомъ, и тогда соперничество молодыхъ отличнѣйшихъ русс. художниковъ для него не будетъ страшно“.

Съ неменьшими похвалами и предсказаніями видной будущности отзывалась объ И—въ, по поводу его новыхъ произведеній, и тогдашняя худож. критика.

„Если Ивановъ будетъ идти впередъ подобнымъ шагомъ, то въ скорости станеть въ ряду первоклассныхъ художниковъ нашихъ“—писалъ П. Свиньинъ въ своихъ „Отч. Зап.“ 1827 г. (XXXII, 156). „Огчаеніе хлѣбодаря, радость виночерпю и хладнокровное достоинство, соединенное съ вѣрнымъ внутреннимъ возвышеніемъ, прекраснаго Иосифа—говорилъ онъ—представлены художникомъ съ поразительною истинною. Въ картинѣ сей непродумано для очарованія зрителя ни малѣйшаго предмета, не оставлено ничего безъ тщательнаго изученія; самая мѣстность, изобра-

жающая Египетскую тюрьму,—взнакомит зрителя съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ сцена сія. Можно пожелать развѣ, чтобъ натура, съ коею представленъ идеаль красоты Іосифа, была счастливѣе избрана и фигура сего послѣдняго нѣсколько увеличена“. Другой писатель, г. Z. въ „Сѣв. Пчелѣ“ (№ 114), если и желалъ видѣть „поменьше сухости въ положеніи тѣла Іосифа, побольше выраженія въ лицѣ его и живани—въ рукахъ“; если и желалъ, „чтобы движеніе и лицо скованнаго хлѣбодаря яснѣе выражали испугъ несчастнаго, слышащаго роковую вѣсть, а не неистоваго человѣка, бѣшеннаго“, то находилъ фигуру виночерпія—прекрасной, совершенно выходящей изъ полотна, и признавалъ, что „художникъ отлично нарисовалъ ее и поставилъ, умѣлъ дать выраженіе радости чертамъ лица и освѣтилъ превосходно“, причемъ „весьма умно и осторожно пользовался сліяніемъ свѣта съ тѣнью“. Одежда же Іосифа и двухъ заключенныхъ, іероглифическая надпись на стѣнѣ, стоящій на полу глиняный сосудъ—все показывало, по его замѣчанію, „что Ивановъ изучалъ свой предметъ исторически, и старался во всемъ соблюсти правдоподобіе“. „Словомъ, добавлялъ онъ, картина сія и тогда бы заслуживала (ту же) похвалу, когда бы была написана художникомъ, болѣе опытнымъ и болѣе владѣющимъ кистью, нежели Ивановъ, и мы судили строго о нѣкоторыхъ частяхъ ея только для того, чтобы показать, въ какой мѣрѣ она заслуживаетъ вниманія“.

Упомянувъ картонъ, рисованный Ивановымъ съ нѣвѣстной группы Лаокоона съ дѣтми, *Самыиъ* замѣчалъ (стр. 146): „строгая правильность въ рисункѣ свидѣтельствуетъ, что сія отличительная черта русс. школы вполне еще сохраняется между юными художниками“; г-же же Z. говорилъ, что онъ „отлично хороше, какъ по вѣрности рисунка, такъ и по искусству, съ каковымъ художникъ передалъ карандашомъ свѣтъ и тѣни, видѣнные имъ на самой группѣ“, ибо „какъ онъ смотрѣлъ на нее въ полномъ свѣтѣ, такъ и представилъ на бумагѣ“.

Съ своей стороны Совѣтъ Академической, разсуждая, 13 сент. 1828, „что, какъ слылъ проф. живописи Иванова, Александръ И., не имѣлъ случая быть воспитанникомъ въ числѣ питомцевъ сей Академіи, не менѣе того преусиѣлъ отличнымъ образомъ въ живописи исторической, что онъ уже доказалъ живописными и рисовальными въ большомъ видѣ произведеніями своими, такъ что, по удостоеніи Академіи, награжденъ золотую

медалью 1-го достоинства изъ жертвуемыхъ Обществомъ Поощренія Художниковъ, а потому во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ быть признаннымъ въ званіи художника 14 кл.“, опредѣлилъ: „предоставить г. президенту исходатайствовать чрезъ г. мин. нар. проsv. всемілостивѣйшее соизволеніе на пожалованіе Иванова въ званіе художника 14 кл.—въ воздаяніе его неусыпнаго старанія объ усовершенствованіи себя въ живописномъ искусствѣ“.

Наконецъ, отчетъ Общества за 1828 (чит. въ Собраніи 30 нояб. 1829; см. стр. 14—15) свидѣтельствовалъ, что „Ал. Ивановъ отлично хорошо нарисовалъ картонъ съ нѣвѣстной статуи Гладіатора Боргезскаго, нинѣ почитаемой за Воина, сражающагося копьемъ (подар. художникомъ, вмѣстѣ съ двумя прежними картонами, Моск. Худож. Классу, по его преобразованіи въ 1845) и написалъ нѣск. картинъ“, но что „въ ожиданіи товарища для путешествія, худ. Рабуса, находящагося въ отсутствіи, отправленіе Иванова въ Римъ отложено, по его просьбѣ, до будущей осени“, къ чему прибавлялось: „дарованія Иванова ручаются намъ, что онъ оправдаетъ вниманіе, обращенное на него Обществомъ“.

Этотъ Рабусъ былъ на столько чтиль И—вымъ, что сумѣлъ повліять на его разумъ и склонить къ подчиненію послѣднему влеченію сердца, когда нашъ юный художникъ, почувствовавъ впервые любовь къ одной молодой дѣвушкѣ—дочери музык. Гюльпена, жившаго тоже въ Академіи, сталъ уже колебаться между женитьбой на любимой дѣвушкѣ и поѣздкой въ Италію. „Не стану описывать то время,—говорилъ И—въ въ первомъ письмѣ своемъ отъ 27 апр. 1829 г. къ Рабусу, уѣхавшему въ Малороссію,—когда вы, пребывая въ Петербургѣ, отторгали мою душу отъ мрачныхъ и неприятныхъ мыслей, которыя теперь рѣдко посѣщаютъ меня; коротко скажу, что пребываніе ваше адѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью“, и далѣе: „Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я опять-таки вамъ обязанъ“..

Передъ самымъ окончаніемъ послѣдней работы, И—въ, какъ видно изъ того же письма, заболѣлъ (на страстной недѣлѣ въ 1829 г.) и долго велъ, по его словамъ, знакомство съ пластырями, микстурами, порошками и проч. „Впрочемъ, рисунокъ Бойца въ величину статуи,—прибавлялъ онъ тутъ же, — почти оконченъ, и я получилъ за него одобреніе отъ членовъ Академіи и президента (А. Н. Оленина), также отъ

нѣкот. членовъ Общества, т.-е. знатоковъ; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя ихъ трудно пріобрѣсти; смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить,—а сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, перемена климата много дѣйствуетъ на здоровье, то, дабы меня побережь, за лучшее нашли пригласить прібытіе мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, К. И., если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы симъ окажете мнѣ великое благодареніе“.

Замѣчаемое тутъ нѣкот. противорѣчіе съ вышепривед. мѣстомъ изъ отчета Общества объясняется довольно просто: весьма вѣроятно, что Комитетъ рѣшилъ изъ-за болѣзни И—ва отложить его поѣздку въ чужіе края до осени; самъ же И—ва, которому, какъ мы узнаемъ изъ его письма къ Рабусу отъ 16 авг., представлялось четыре случая къ отправленію: 1) съ живоп. Ваньковичемъ (студентомъ Виленскаго унив.—та и поспор. ученикомъ Акад. Худож.), оставшимся, однако, жить въ своемъ помѣстьѣ; 2) съ грав. Горданомъ, уѣхавшимъ ранѣе; 3) съ живоп. Лапченко, оставленнымъ на нѣск. времени въ Россіи гр. Воропцовымъ, и, наконецъ, 4) съ Рабусомъ, предполагавшимъ ѣхать черезъ Одессу, — предпочиталъ отправиться именно съ послѣднимъ, въ видахъ чего просилъ даже председателя Общества гр. Кутайсова довести его до Малороссіи.

Между тѣмъ, время шло. „Боецъ, — писалъ И—ва Рабусу осенью того же года, — окончаніемъ своимъ далеко превзошелъ прежнія картины, но, выстѣ съ похвалой, получилъ я и выговоръ за продолжительность времени, которое я употребилъ на сей рисунокъ (6-ть мѣсяцевъ). Обезпокоенный симъ, долженъ былъ я начать: 10. картину, представл. „Беллерофонта, когда онъ отправляется въ походъ противъ Химеры“ (в. 2, ш. 1¹/₂, арш.; наход. у М. П. Боткина въ СПб.). „Срокъ или конецъ прошедшаго лѣта окончилъ и мою картину, которая была принята съ неудовольствіемъ. Говорили, что ова совѣтъ не превосходитъ „Іосифа въ темницѣ“ и что имъ (членамъ Общества П. Х.) оскорбительно, что я не слушаю ихъ совѣтовъ въ разсужденіи композиціи. Однимъ словомъ, упомянутая картинка чуть не поколебала отправленіе мое въ чужіе края. Въ сихъ-то обстоятельствахъ вы мнѣ подали руку дружества... Теперь остается сказать нѣчто о будущности, хотя она извѣстна одному Богу. Тутъ мнѣ грозятъ строжайшей вступкѣй и, за неисполненіе одного, хотя

мажоважнаго пункта, я буду лишень срочнаго пребыванія за границей. Ожесточенные поступками К. Брюллова¹⁾, онп, грозя ему палкомъ, надъ первымъ мною хотятъ привести въ дѣйствіе свои несбыточные приказанія. Часто разстроенный душевно, не мудрено, что я впадалъ въ болѣзнь, но я уже начинаю привыкать къ неприятностямъ“.

Очевидно повиднѣе, И. писалъ своему другу— 13 сент. того же 1829 года: „Наконецъ, я достигаю своей цѣли, — Общество рѣшило отправить меня за границу, но завершеніе сего весьма важнаго для меня путешествія зависитъ отъ васъ... Возьмите на себя трудъ распорядитъ нашъ путь, ибо я совершенно человекъ неопытный въ семъ случаѣ; мнѣнія же людей-совѣтниковъ—не хочу придерживать: трудно, не зная дѣла, слушать ихъ совѣты, противорѣчащіе между собою... Когда мыслю, что Общество приходитъ въ упадокъ отъ усиливающихся недоумокъ, то весьма хочется поспѣшить, симъ дѣломъ, т.-е. ѣхать нынѣшнею осенью“.

Однако, отъѣздъ его былъ еще разъ отложенъ и, послѣ исполненія: 11. картины „Диогенъ“ (которую И—ва просилъ потомъ Моллера, письмомъ отъ 25 дек. 1848, — съечь), 12. эскива (во время вѣтр. оспы) съ изображ. „Милосерднаго Самарянина“ и 13. рисунка для Рабуса съ головы Шиллера (раб. Даннекера) въ Академ. музеѣ, онъ заваялся еще писаніемъ: 14. небольшихъ образовъ для иконостаса въ какую-то церковь, причемъ моделью ему служилъ, стоя на столѣ, будущій скульпторъ Рамазановъ, въ то время еще мальчикъ съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, за что былъ накормленъ сладкимъ пирогомъ.

Тѣмъ временемъ И—ва дѣятельно занимался чтеніемъ книгъ и вообще самообразованіемъ. Уже изъ перваго письма къ Рабусу видно, что онъ съ живостью слѣдилъ за тогдашней литературой. „Вездѣ кричатъ о романѣ „Ив. Выжигинъ“—писалъ онъ своему другу еще 27 апр. 1829 г.—Его здѣсь превозносятъ, и я, бывъ отягченъ недугомъ и чувствуя себя не въ силахъ заниматься серьезнымъ, прочиталъ сіи 4 части и нашелъ, что Булгаринъ столько же имѣетъ дара описывать пороки, сколько самъ въ нихъ неподражаемъ; въ отношеніи же добродѣтели во всемъ романѣ чувствуешь натяжку“. „По крайпей мѣрѣ, К. И.—писалъ онъ тому же Рабусу 24 сент.,—обѣщанное прошу исполнить,

¹⁾ Обратной посылкой имъ въ Петербургъ пенсіонерскаго содержанія, несправно присланнаго ему въ Римъ.

перевести мнѣ нѣск. строкъ пвъ котораго и-
будь пвъ главныхъ вѣмеченхъ авторовъ нас-
тельно художниковъ: я ихъ буду читать жаж-
дущимъ познаній моимъ собратіямъ и глубоко
впечатлію ихъ въ моей памяти“. А когда тотъ
указавъ своему юному другу на Винкельмана,
послѣдній отвѣчалъ ему осепью того же года:
„Исторія художествъ, о которой вы говорите,
весьма мнѣ кажется важною; на русс. языкѣ
есть, кажется, нѣкоторыя изъ нея статьи въ
„Журналѣ Пяццныхъ Искусствъ“, — впрочемъ,
нигдѣ болѣе; и такъ, я буду надѣяться ее
пмѣть“. „Обильныя ваши наставленія, — писалъ
еще разъ И—въ Рабусу 15 дек., испугавшись
начатаго для него послѣднимъ труда, очевидно
по переводу Винкельмана—(я уже плодъ ихъ
вкусилъ, читавъ „Исторію литературы древ-
нихъ и новыхъ народовъ“ Фр. Шлегеля), до-
ставляетъ мнѣ полное удовольствіе. Вы мнѣ
назвали великихъ писателей, между коими на-
хожу знакомаго Зульцера, — я читалъ его теорію.
Потомъ вы говорите о просвѣщеніи художни-
ковъ. Думая о семъ врожденномъ стрем-
леніи каждаго благомыслящаго, я почелъ
необходимымъ поправить свою жесто-
вую ошибку, хотя нѣск. поздно, и теперь
учусь по-французски (у франц. гувернера Ліо-
вена), — ибо я нѣ вѣмечку вовсе не пригото-
вленъ, — чтобы не быть въ чужихъ краяхъ безъ
книгъ и безъ азмкка“.

Ивановъ до такой степени видѣлъ пользу
отъ товарищества Рабуса — „какъ въ отноше-
ніи просвѣщенія, такъ и въ дорожныхъ обстоя-
тельствахъ“, — что радъ былъ даже, судя по
письму отъ 24 сент., отсрочкѣ поѣздки до весны,
лишь бы ѣхать вмѣстѣ, и потому, узнавъ съ одной
стороны, что картина, которую тотъ началъ,
должна занять его довольно продолжит. время, а
съ другой, желая набавиться отъ Яненки, ко-
торого Комитетъ Общества назначалъ ему въ
товарищи, въ качествѣ пенсіонера, отправокъ
шагоса въ Венецію, писалъ своему другу въ апр.
1830: не можетъ ли тотъ поспѣть къ 12-му и
13-му мая въ Петербургъ, т. е. онъ могъ оття-
нуть отъѣздъ только до 15-го мая. Но, хотя И—въ
уѣхалъ за границу мѣсяцемъ позднѣе (въ половинѣ
іюня), онъ отправился все-таки не съ Рабу-
сомъ, а съ Яненко, снабженный обширною ин-
струментіей отъ Общества, гдѣ и что ему смотрѣть
и дѣлать по пути въ Римъ, причемъ на путеше-
ствіе по Европѣ ему полагался годъ времени.

„Высказывая нѣздное въ Германіи, — писалъ
онъ въ Общество изъ Флоренціи 29 февр. 1831, —
я въ то же время несъ трудную должность кон-

дуктора и не имѣлъ ни часу покоя; въ проме-
жуточное время отъ наблюденій, надобно было
паучать слова, чтобы не впасть въ обманъ, а
ограниченная сумма требовала чрезвычайной
равсчетливости, слѣдоват., умственная система
моя отъ безпрерывнаго напряженія начинала
притупляться“. Все это, вмѣстѣ взятое, а также
и нѣкоторыя другія причины побудили его
значит. сократить путешествіе, ограничившись
болѣе подробнымъ осмотромъ только Дреадена
(гдѣ онъ сдѣлалъ наход. теперь у М. П. Боткина
15. оконч. рисунокъ съ головъ Сякт. Мадонны
и Младенца Христа, раб. Рафаэля) и Мюнхена,
и „съ прискорбіемъ оставить пять славныхъ го-
родовъ Италіи“: Тренто, Верону, Мантую, Во-
ловью и, наконецъ, Флоренцію, гдѣ онъ, какъ
видно изъ его перваго письма отъ 13 сент.
1830 (оставшагося не напечатаннымъ), предпо-
лагалъ провести зиму.

Поселившись въ этомъ послѣднемъ городѣ,
онъ подробно описывалъ въ своихъ донесе-
ніяхъ находящіяся тамъ худож. произведенія,
считая, послѣ Дрезденской галлерей, собраніе
картинъ во дворцѣ Питти — лучшимъ, какое онъ
видѣлъ до тѣхъ поръ, причемъ нисколько не
стѣснялся высказывать иногда мнѣнія, не со-
гласныя съ общепринятыми, напр., о „Венерѣ“
Кановы или Тиціана, и проч.

Насчетъ этихъ отчетовъ тогдашній конфе-
ренцъ-секретарь Акад. Худож., В. И. Григори-
ничъ, отзывался весьма выгодно для И—ва. Онъ
полагалъ, какъ мы видимъ изъ письма А. И.
И—ва къ сыну отъ 26 авг. 1831, „что отъ на-
чала Акад. Худож. никакой пенсіонеръ
ея не представлялъ своихъ отчетовъ
всего, имъ видимаго въ чужихъ краяхъ,
съ такою разсудительностью, какою на-
ходилъ въ его — о предметахъ художе-
ственныхъ, а равно и чувствованій и пра-
вильности сочиненія оныхъ; спрашивалъ, гдѣ
тотъ учился оному?“ — на что отецъ отвѣчалъ,
„что отчасти въ классахъ Академіи, а болѣе
употребилъ послѣднее время на оное передъ
отъѣздомъ своимъ, а у кого учился — неавѣ-
стно“. Этотъ отзывъ старика И—ва можетъ
служить лучшимъ доказательствомъ именно за-
мѣчательнаго самообразованія его сына.

1831—36.

На первыхъ же порахъ своего пребыванія
въ Италіи, молодой И—въ занялся: 16. картной
„Аполлонъ, Кипарисъ и Гіадивъ, завим. му-
зыка“ (в. 7, ш. 9 верш.; вынѣ у М. П. Боткина),
о которой Торвальденъ и Камуччини отъзва-

лись въ общемъ одобрительно: 1-й какъ-то простосердечно, 2-й съ какимъ-то раздраженіемъ (судя по письму И-ва въ Общество изъ Рима отъ 2 авг. 1831), и насчетъ которой отецъ И-ва дѣлалъ сыну равныя наставленія въ письмѣ къ нему отъ 2 іюля, а также—эскизами: 17. „Сусанна“ (1831), 18. „Ахиллесъ, укор. Париса“, 19. „Самсонъ и Далла“, 20. „Давидъ, утѣш. Саула игрой на гусляхъ и пѣніемъ“, 21. „Іосифъ съ женой Пелтефріа“, 22. „Братья Іосифовы находятъ чашу въ мѣшицѣ Веніамина“ (выпѣ въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ). Камуччини, которому онъ ихъ показывалъ, какъ видно изъ вышепривед. письма, громко разсмѣялся, увидавъ первый изъ нихъ, и сказалъ при этомъ, „что чувства весьма много, но мало благороднаго; что бѣгущіе старики могутъ быть только позволительны въ эскизѣ, а для картины надо выбрать положеніе, могущее продолжаться вѣск. минутъ“ (въ справедливости чего И-въ, однако, сомнѣвался), при взглядѣ же на послѣдній видимо перемѣнился и увѣрилъ нашего художника, „что сей эскизъ его совершенно удовлетворяетъ, что тутъ онъ видитъ много хорошаго вкуса, вслѣдствіе чего и совѣтовалъ начать по нему картину“. Хотя другіе одобряли также и его „Давида передъ Сауломъ“, но самъ И-въ предпочелъ все-таки именно тотъ, какъ „способъ къ изученію наготы“ и, сдѣлавъ два эскиза на одинъ и тотъ же сюжетъ (в. 11, ш. 14 верш. и в. 8, ш. 12¹/₂ верш.; оба теперь—въ гал. Третьякова въ Москвѣ), представилъ оба сперва на судъ тѣхъ же цѣнителей, а потомъ пославшаго его за границу Общества. При этомъ онъ сообщалъ послѣднему, что, „мнѣнія товарищей—всѣхъ, кромѣ Маркова,—противорѣчатъ первымъ двумъ мнѣніямъ, опираясь на исторію“, почему онъ и находится въ затрудненіи, т. е. „первые два мнѣнія—людей, приобрѣтшихъ европ. репутацію, а послѣднія—важны по тѣсной связи съ исторіей“. Какъ прежде относилъ „Апохлону, Кипариса и Гадиянта“, такъ теперь относилъ „Братьевъ Іосифовыхъ“, отецъ И-ва дѣлалъ равныя замѣчанія и подавалъ равныя совѣты сыну, пославъ ему даже цѣлый чертежъ съ обозначеніемъ предлагаемыхъ перемѣнъ въ его композиціи и съ изложениемъ своихъ собств. мыслей въ письмахъ отъ 26 авг. и 17 сент. 1831 и, въ особенности, отъ 20 сент. и 28 окт. 1832. Но тутъ же онъ писалъ ему, однако: „чертежъ твой сего изображенія я одобряю и небольшая въ немъ перемѣна можетъ его улучшить, по моему мнѣнію; но я боюсь за тебя,

если ты строго будешь держаться мнѣнія гг. художниковъ, кои видѣли оный прежде меня, и не допустишь въ ономъ никакой перемѣны для того только, чтобъ не огорчить ихъ. Я въ этомъ случаѣ такого мнѣнія, что почтенные художники видятъ отъ тебя къ нимъ уваженіе, стараются съ своей стороны быть также учтивыми противъ тебя и не хотятъ трогать твоего честолюбія палашкою своею откровенностью“. Говоря такъ, старикъ И-въ очевидно не зналъ критическаго отношенія подразумѣв. имъ тутъ художниковъ къ работамъ его сына и этого послѣдняго—къ ихъ учительскимъ наставленіямъ. Чего же совсѣмъ не одобрялъ старикъ И-въ, это: 23. чертежъ „Воспитаніе Юпитера“, непредставлявшій, по его мнѣнію, „никакой выгоды—ни съ нравственной, ни съ живописной стороны“.

Тѣмъ временемъ молодой И-въ, по распоряженію пославшаго его Общества, ованчивалъ въ Сикстинской капеллѣ: 24. картонъ въ величину оригинала съ „Сотворенія чеховѣка“ Микель-Анджело (в. 2 арш. 15 верш., ш. 7 арш. 7 верш.; подар. Комитетомъ Общества въ Имп. Акад. Худож.), очень одобренный Камуччини и русс. посланникомъ въ Римѣ, а потомъ, при выставкѣ въ Акад. Худож. въ 1833 г., доставившій „единогласную похвалу молодому художнику, умѣвшему постичь стиль рисунка безсмертнаго Микель-Анджело“, какъ сказано въ отчетѣ Общества за 1832—34 г. (с. 6), и занялся, по совѣту В. И. Григоровича, вмѣсто большихъ копій,—25. этюдами головъ и драпирововъ съ картинъ Рафаэля („Преображенія“ и др.)—„для пріученія себя къ хорошему вкусу“ (нынѣ у М. П. Богкина). Хотя И-въ и прислушивался къ мнѣніямъ другихъ, это не мѣшало ему, однако, критически относиться къ выслушиваемымъ сужденіямъ, и потому онъ могъ совершенно справедливо писать къ сестрѣ въ концѣ 1831 г.: „впрочемъ, я работаю доселѣ болѣе для удовлетворенія желаній собственныихъ, т. е. чтобы удовлетворить вѣчно недовольный глазъ мой, пезели для снисканія чего-то“. Насколько усиленно вообще работалъ онъ уже въ то время—видно изъ слѣд. письма его въ Общество отъ начала 1833 г.: „пославъ къ вамъ эскизъ мой [„Братья Іосифа“], и со всею моею силою изобрѣтательною сочинилъ новыхъ 20-ть [очевидно на тотъ же сюжетъ], пытаюсь образцами жившихъ до меня художниковъ, учиться отъ конхъ и нынѣ имѣю полные отъ васъ способы. Дошедши, наконецъ, до послѣдняго маѣ совершенства въ компози-

ція, я подвергнулъ опыте (эскизы) сужденіямъ художниковъ, и преимущественно выбралъ судьей своимъ одного изъ отличѣйшихъ живописцевъ—благочестиваго Овербека, не столько славнаго исполнительною частью, сколько сочиненіями,—человѣкъ весьма образованный онъ!“ И тутъ замѣтно опять не работѣнное преклоненіе передъ Овербекомъ, какъ и передъ Камуччини, а критическое отношеніе къ нему, съ оцѣнкой въ немъ болѣе ученаго, чѣмъ художника. На этомъ-то основаніи И—въ и не могъ не согласиться съ мыслью Овербека, что „предметъ его есть эпизодъ исторіи Іосифа, а всякій эпизодъ не долженъ быть большой картиной, ибо (онъ) входящая часть исторіи есть, и потому лучше выбрать сюжеты для большихъ произведеній, составляющіе цѣлый объемъ чего-либо—поэму“ (хотя это мнѣніе и оспаривалъ старикъ И—въ въ письмѣ къ сыну отъ 14 февр. 1833).

Тогда нашъ художникъ занялся снова отысканіемъ для себя сюжета: „прислушивался, какъ онъ самъ выражается, къ исторіи каждаго народа климата умѣреннаго, прославившаго себя дѣяніями, и нашелъ, что выше евреевъ ни одного народа не существовало, ибо имъ вѣрено было свыше возродить Мессію, откровеніемъ Коего начался день, для человечества, нравственнаго совершенства или, что все-равно,—познать вѣчно сущаго Бога! Такимъ образомъ, идя вслѣдъ за алканіемъ пророковъ,—продолжаетъ онъ,—я остановился на Евангеліи, на Евангеліи Іоанна! Тутъ, на первыхъ страницахъ, увидѣлъ и сущность всего Евангелія, увидѣлъ, что Іоанну Крестителю поручено было Богомъ приготовить народъ къ принятію ученія Мессіи, а, наконецъ, и лично представить его народу! Сей-то послѣдній моментъ,—прибавляетъ онъ въ заключеніе,—выбираю я предметомъ картины моей, т.-е. когда Іоаннъ, увидѣвъ Христа, идущаго къ нему, говоритъ народу: Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра. Сей есть, о немъ же азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ мужъ, иже предо мною бысть, яко первѣе менѣ бѣ. И азъ не видѣхъ его, но да явится Израилеви.“ Приведенное мѣсто изъ письма И—ва лучше всего показываетъ, насколько самостоятельно и съ какимъ глубокимъ изученіемъ предмета доходилъ онъ до всего, не зная на совѣты отца, писавшаго ему, пользуясь своимъ влияніемъ на сына, еще 5 марта 1831 г.: „Когда ты разсудишь заняться чѣмъ-либо серьезно, то не думай очень много о сюжетѣ, но вы-

бери какой-нибудь обыкновенный предметъ и начинай съ Богомъ проповѣдывать оный; (только) старайся не брать предметовъ развратныхъ для нравственности“.

„Зная по опыту,—писалъ онъ сыну въ другой разъ (15 іюня 1833),—сколь трудно самому собою приискать сюжетъ, которымъ бы могъ быть доволенъ художникъ, и не совѣтую тебѣ много на то устремляться, а особливо на что ип есть необыкновенное, новое, если то само собою не представится какимъ-либо случаемъ. Повѣрь мнѣ, что простой предметъ, хорошо обработанный, будетъ уваженъ; я понимаю простой—многогранованный, но трактовать одишь и тотъ же предметъ можно различными образомъ... Отбрось же всѣ заботы по сему дѣлу, пиши картины небольшія, но съ отдѣлкою,—это будетъ лучше и неизвѣрительно для твоего здоровья“. „Не предпринимай чего-либо высокаго, огромнаго,—уговаривалъ отецъ сына еще разъ (1 окт.),—но выбрай предметы простые и пріятные: годные для церквей вапикъ предметы всегда хороши и съ успѣхомъ сбыты быть могутъ въ свое время, другого же рода—въ галлерей или академіи“... „Я конечно увѣренъ,—признавался, однако, отецъ сыну (15 іюня 1834), по поводу выбора имъ, наконецъ, сюжета для новой картины,—что избраніе сюжета для картины есть дѣло важное, но за всѣмъ тѣмъ не должно увлекаться въ семъ случаѣ ва предѣлы,—я почитаю выбранный тобою предметъ за таковой, ибо онъ долженъ быть несудобноисполнителенъ по ограниченности живописи: смыслъ всего Евангелія—предметъ довольно важный, но какъ ты оный изобразить?“

Это не мѣшало старику нѣсколько ранѣе (14 февр.) давать совѣты молодому художнику насчетъ изображенія Іоанна Крестителя въ его будущей картинѣ. „Я видѣлъ,—писалъ онъ,—изображеніе Іоанна Предтечи въ копіи съ картины Рафаэля, назыв. Madonna di Foligno, которое мнѣ чрезвычайно нравится, почему и совѣтовалъ бы тебѣ подражать тому же втеру, который данъ сей фигурѣ,—это, по моему мнѣнію, совершенный Іоаннъ, жившій въ удаленіи отъ людей нѣсколько лѣтъ: онъ имѣетъ весь отпечатокъ дикаго, но благороднаго вида человѣка. Не надѣвай на него никакой драпировки краснаго или другого цвѣта, ибо это служитъ сознаниемъ художника, что онъ изобразить его по описанію былъ не въ силахъ, а имѣлъ образецъ передъ глазами, слѣдуй оному, чѣмъ удовлетворишь анатомовъ и избѣгнешь критики“...